

Виктор Димитриев

Эмиграция как литературная судьба и творческая стратегия

DOI: 10.53953/08696365_2024_186_2_321

Livak L. Études sur l'histoire culturelle de l'émigration russe en France (1920—1950).

Paris: Eur'Orbem Éditions, 2022. — 364 p. — (Cultures et Sociétés).

Строев А.Ф. Литературные судьбы русских писателей во Франции.

М.: Литфакт, 2023. — 320 с. — (ROSSICA. Россия и Запад. Литературные связи и контакты. Вып. 4).

История литературы русской эмиграции межвоенных десятилетий, несмотря на обилие публикуемых материалов и неослабевающий интерес читателей и исследователей, еще не написана, и даже материалы для этой истории не собраны. И дело не только в том, что большая часть архивов находится в Великобритании и США, до которых не каждому исследователю удастся добраться, и не в том, что на протяжении советской истории эта часть литературного прошлого была почти не известна в России, да и за рубежом ею мало кто интересовался. Дело еще и в том, что за последние тридцать лет плодотворного изучения эмигрантской словесности постоянно переосматриваются теоретические подходы, релевантные для анализа этой литературы.

В науке об эмиграции можно заметить борьбу разных исследовательских нарративов, предлагающих рассматривать литературу русского зарубежья то как изолированную едва ли не от всего мира наследницу дореволюционных традиций, то в качестве последнего витка модернизма, то с точки зрения напряженных отношений культурной периферии с советской метрополией, то, наконец, в контексте мировой литературы. И если в 1990-х гг. исследователи склонны были во многом солидаризироваться с трагическим пафосом эмигрантских самоописаний, рисующих литературную жизнь изгнанника как череду лишений и судьбу эмиграции в качестве культурной миссии¹, то в начале 2000-х гг. появляются книги, которые подвергают критическому анализу подобные способы саморепрезентации в русском зарубежье. В работах Л. Ливака и И. Каспэ эмигрантская риторика понимается как литературная стратегия, нацеленная на овладение символическим капиталом².

Само понятие эмигранта/изгнанника, особенно с ростом числа постколониальных исследований и поворотом к транснациональной проблематике³, рассмат-

1 Ср., как акценты расставлены в работах этого двухтомника: Культурное наследие российской эмиграции: 1917—1940: В 2 кн. / Под общ. ред. Е.П. Чельшова и Д.М. Шаховского. М.: Наследие, 1994.

2 Livak L. *How It Was Done in Paris: Russian Emigre Literature & French Modernism*. Madison: University of Wisconsin press, 2003; Каспэ И. *Искусство отсутствовать: незамеченное поколение русской литературы*. М.: Новое литературное обозрение, 2005.

3 Современные подходы к исследованию транснациональных феноменов см., например, в недавно вышедшем сборнике: *L'Europe transculturelle dans le monde global. Transcultural Europe in the Global World* / Éd. par A. Benucci, S. Contarini, G. Cordeiro, G. Dos Santos, J.M. Esteves. Paris: Presses universitaires de Paris Nanterre, 2023.

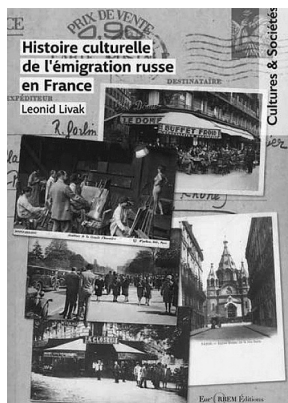
ривается не только в связи с реальными историческими обстоятельствами, но и в качестве культурной метафоры или продуктивной литературной позиции, позволяющей освободиться от национальной логики и осознать «обескорененность» как возможность освоить разные культурные феномены, стать литературным и культурным кочевником⁴. Скажем, именно такой путь переосмысления своей эмигрантской роли — от *émigré* (эмигранта) к *déraciné* (вырванному с корнем) — видит в творчестве «младшего» поколения парижской эмиграции 1920—1930 гг. Анник Морар⁵. Изменения, произошедшие в представлении о диаспоре и феномене культурного и языкового перехода, отразились на том, как ретроспективно изучается также и русская эмиграция межвоенных десятилетий⁶.

Важное место в изучении русского зарубежья занимает вопрос о мере и характере межкультурных взаимодействий в эмиграции. Сами участники литературного процесса в мемуарных высказываниях второй половины XX в. склонны были уменьшать интенсивность творческих контактов русской литературной эмиграции с французскими интеллектуалами. Между тем эти отношения были разнообразны и драматичны весь двадцатилетний период между двумя войнами⁷. Наверное, наиболее последовательно роль этих взаимодействий продемонстрирована в монографии М. Рубинс о русском Монпарнасе как части транснационального модернизма. В ней не только анализируются отдельные частные случаи интертекстуального взаимодействия, но и ставится вопрос о радикальном переосмыслении литературной работы в эмиграции. Участие русских писателей в литературе европейского модернизма не получится описать только на языке влияний и заимствований, поскольку в их текстах параллельно с текстами других авторов, оказавшихся в Париже в межвоенные десятилетия, разрабатывались схожие способы литературного освоения действительности⁸.

Проблеме русско-французских связей посвящены и две недавние работы по эмигрантской литературе. Это книги канадского ученого, специалиста по русскому зарубежью Леонида Ливака «Исследования культурной истории русской эмигра-

-
- 4 См. о разных способах толковать эмигрантский опыт: *Бузаева Л.* Мифология эмиграции: геополитика и поэтика // *Ent-Grenzen. Intellectuelle Emigration in der russischen Kultur des 20 Jahrhunderts / За пределами. Интеллектуальная эмиграция в русской культуре XX века.* Frankfurt a.M.: Lang, 2006. С. 51—71; *Геллер Л.* Мой отец — эмигрант // *Феномен русской эмиграции / Под ред. О. Блашквив и Р. Мниха.* Siedlce: Instytut kultury regionalnej i badan literackich im. F. Karpińskiego, 2020. С. 11—22.
 - 5 *Morard A.* De l'émigré au déraciné: la "jeune génération" des écrivains russes entre identité et esthétique (Paris, 1920—1940). Lausanne: L'Âge d'Homme, 2010. обстоятельный обзор различных подходов к изучению эмиграции см. также в работе: *Morard A.* De différentes approches critiques de la littérature russe émigrée: questions méthodologiques et enjeux idéologiques // *Histoire et mémoire dans l'espace postsoviétique: le passé qui encombre / Éd. par K. Amacher et W. Berelowitch.* Genève: Institut européen, 2014. P. 203—214. В этой статье как раз рассматривается, как постепенно формировался критический подход при анализе эмигрантской истории.
 - 6 Представление о том, как меняются эмигрантские исследования, проводимые с опорой на современные постколониальные и диаспоральные теории, см. в сборнике: *Век диаспоры: траектории зарубежной русской литературы (1920—2020) / Под ред. М. Рубинс.* М.: Новое литературное обозрение, 2021.
 - 7 См. один из первых сборников, целиком посвященный русской эмигрантской литературе в контексте французской культуры: *Русские писатели в Париже: Взгляд на французскую литературу: 1920—1940: Международная научная конференция / Сост., науч. ред. Ж.-Ф. Жаккара, А. Морар, Ж. Тассис.* М.: Русский путь, 2007.
 - 8 *Рубинс М.* Русский Монпарнас: парижская проза 1920—1930-х годов в контексте транснационального модернизма / Пер. с англ. М. Рубинс, А. Глебовской. М.: Новое литературное обозрение, 2017.

ции во Франции (1920—1950)» (2022) и профессора Новой Сорбонны Александра Строева «Литературные судьбы русских писателей во Франции» (2023). Их объединяет желание продемонстрировать, сколь выразительны были русско-французские связи в XX в., авторы их стремятся показать, как эти контакты или последующее молчание о них помогли эмигрантам управлять собственной литературной репутацией.

В томе Ливака собраны его наиболее значимые работы, написанные более чем за двадцать лет изучения русского зарубежья. Для этого издания все русскоязычные и англоязычные статьи были переведены на французский. Любой, кто занимается литературой и культурой межвоенных десятилетий во Франции, хорошо знаком с исследованиями Ливака. Не в последнюю очередь именно он перенес акцент в изучении эмиграции с обсуждения ностальгии и травмы изгнания на почву конкретных историко-литературных наблюдений, освобожденных от эмоциональной вовлеченности исследователя, столь характерной для науки об эмиграции. В первой монографии, «Как это было сделано в Париже: Русская эмигрантская литература

и французский модернизм» (2003), Ливак в том числе попытался проанализировать эмигрантскую идентичность как особый литературный конструкт, который необходимо рассматривать в контексте семиотики поведения и культурной политики. Он стремился развенчать распространенные мифы о русской эмиграции, в частности представление об ее изолированности от французской культуры и литературы, о чем часто писали сами изгнанники: наиболее полно этот замысел воплотился в обширной библиографии публикаций эмигрантов во франкоязычной печати⁹. Наряду с А. Устиновым и Р. Гейро Ливак продемонстрировал, что еще до 1925 г., когда Париж стал центром зарубежной России, в столице Франции активно действовали русские авангардисты. Сведения об этом периоде русской поэзии часто отодвигались на второй план, поскольку не согласовывались с антисоветским характером эмигрантского парижского нарратива¹⁰. Ливак собрал и прокомментировал значимые встречи Франко-русской студии, ставшие экспериментом по налаживанию культурных и творческих взаимодействий в эмигрантском Париже¹¹. Особенно много он сделал для исследования авторов так называемого незамеченного поколения, литераторов «парижского русского Монпарнаса» — литературной генерации, которая (символически в большей степени, чем поколенчески) противопоставляла себя поколению дореволюционных литераторов, оказавшихся в изгнании, и создавала литературу в согласии с модернистскими трендами послевоенного Парижа. Ливак, кроме того, пытался посмотреть на русскую эмиграцию с точки зрения ее этноконфессионального многообразия и, в частности, с учетом еврейского сообщества русского зарубежья.

-
- 9 Livak L. *Russian Émigrés in the Intellectual and Literary Life of Interwar France: A Bibliographical Essay*. Montreal & Kingston, London; Ithaca: McGill-Queen's University Press, 2010.
- 10 Ливак Л. «Героические времена молодой зарубежной поэзии». Литературный авангард русского Парижа (1920—1926) // Ливак Л., Устинов А. Литературный авангард русского Парижа: История. Хронология. Антология. Документы. М.: ОГИ, 2014. С. 11—145.
- 11 Le Studio Franco-Russe / Textes réunis et présentés par L. Livak / Sous la rédaction de G. Tassis. Toronto: Toronto Slavic library, 2005.

Работы, посвященные всем перечисленным выше вопросам, вошли в рецензируемый том. Однако это не просто механически собранные статьи разных лет: последовательность входящих в книгу частей концептуальна. Работы распределены по двум большим блокам: «Жить в изгнании» («Vivre l'exil») и «Мыслить изгнание» («Penser l'exil»). Первый блок включает исследования историко-литературного характера и сосредоточен вокруг разных этапов русско-французского взаимодействия. В этой части собраны работы о деятельности Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции, о раннем этапе русского литературного авангарда в Париже, об участии русских эмигрантов во французской печати, а также о заседаниях Франко-русской студии (1929—1931). Во втором блоке акцент сделан на том, как свое эмигрантское положение осмыслили литераторы зарубежной России. Ливака интересуют следующие вопросы: какую роль в эмигрантской риторике играло сопоставление и противопоставление «русского», «французского» и «советского» как эстетических и политических категорий; как формировался миф о «незамеченном поколении» зарубежья и почему он может быть осмыслен в качестве специфической стратегии достижения литературного успеха; почему в послевоенных мемуарах, в частности в автобиографии Берберовой, кросс-культурность эмигрантской жизни затушевывалась; можно ли посмотреть на межвоенную литературу как на модернистскую; наконец, как немецкая оккупация во Франции навсегда разделила русских и еврейских эмигрантов.

В межвоенные десятилетия русские эмигранты с большей охотой говорили о своих контактах с европейскими интеллектуалами, в то время как после Второй мировой войны в мемуарных сочинениях было распространено представление об уникальности и изолированности русского зарубежья. Почему? Ливак объясняет это тем, что после конца Второй мировой войны во Франции был резкий рост симпатий к СССР, росло влияние Французской коммунистической партии в культурных кругах, и это сильно осложнило положение антисоветски настроенных изгнанников. Недружелюбие и безразличие принимающей страны активизировало изгнанническую мифологию: представление об эмигрантской «культурной элите как элите пророческой, которая со стоическим самоотречением выполняет свою единственную «миссию»» (с. 12). Авторитет первых историков и мемуаристов эмиграции во многом объясняет и игнорирование компаративных аспектов истории русского зарубежья, поскольку эти историки и мемуаристы оставили последующим поколениям «идеологические предрассудки, культурные мифы и методологические подходы из другой эпохи» (с. 18). Прежде всего эта культурная мифология связана с представлением о мессианском и пророческом статусе «русского писателя» за рубежом, который соединялся с поствоенными литературными трендами Парижа, вроде роста влияния исповедальной литературы, неоромантических тенденций, поколенческой логики в изображении героя и др. Сама маргинализация и неуспех становятся в оптике Ливака легитимной литературной стратегией по борьбе за символический капитал¹². Показателен в этом смысле обширный анализ того, как Берберова в автобиографии «Курсив мой» склонна была принижать значение литературных контактов с французами и подчеркивать маргинальность молодых изгнанников (глава «Нина Берберова и культурная мифология русской эмиграции во Франции»).

Отдельный интерес представляет завершающая глава книги Ливака «Два одиночества интеллигенции в изгнании. Вторая мировая война и конец русской эмиграции во Франции». Она посвящена наименее изученному этапу культурной

12 Эту тему Ливак разрабатывает с начала 2000-х гг. Ср. его позднюю статью: *Ливак Л.* Неудача как идеальная модель творческого успеха в культуре позднего русского модернизма // *Литературный факт.* 2018. № 9. С. 97—123.

истории русского зарубежья, который рассматривается с точки зрения многонационального состава зарубежной России. «Эта первая антисоветская эмиграция включала в себя несколько этноконфессиональных групп — армянскую, азербайджанскую, балтийскую, грузинскую, еврейскую, татарскую, украинскую — участники которых, идентифицируясь в силу своего образования и профессиональной карьеры с русским большинством, имели гибридную или, по крайней мере, более сложную идентичность, чем у эмигрантов русского происхождения». Ливак убежден, что «потеря этноконфессионального разнообразия в русскоязычном сообществе во Франции — интеллектуальном ядре зарубежной России — была одной из причин ее стремительного упадка, ее неспособности восстановиться после войны» (с. 265). Глава посвящена истории еврейской русскоязычной эмиграции и драматичному непониманию между русскими и русско-еврейскими интеллектуалами в оккупированной Франции.

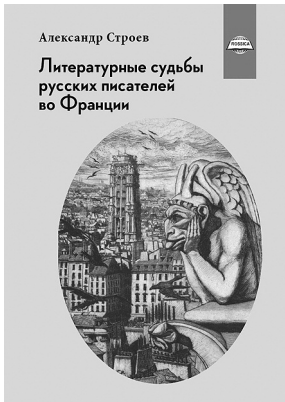
Складывается впечатление, что Ливак пытается слишком часто объяснить отдельные события в жизни эмигрантов соответствием авторитетной поведенческой модели. Скажем, в той же главе о Берберовой есть обширный пассаж о том, что бытовая неустроенность эмигрантов, их бедность и сложности в устройстве на постоянную работу были необходимой частью облика эмигрантского маргинального художника, и финансовое благополучие могло негативно сказаться на их репутации, вследствие чего многие изгнанники, в особенности представители «младшего» поколения, склонны были предпочитать подработки постоянной занятости, и тяготились «второй профессией» (с. 218—221). В доказательство этого представления исследователь приводит их высказывания в переписке. Кажется вместе с тем, что сами эти реплики могут быть восприняты критически, как рационализация объективных трудностей эмигрантской жизни, которые испытывали совсем не только подверженные культурной мифологии литераторы.

В монографии проводится линия, начатая еще в книге «Как это было сделано в Париже» (2003), согласно которой эмигрантский дискурс выстраивается вокруг концептуального треугольника «советское — французское — эмигрантское», где периодически меняются оценки этих категорий, но сама триада сохраняется. Но посредством такой концептуальной редукции не теряем ли мы из виду множество переходных или сложных явлений французской эмигрантской жизни, выходящих за границы противостояния «большевизанов», как называли сочувствующих советской власти, и непримиримых врагов СССР, или противостояния «старшего», «консервативного», и «младшего», «модернистского» поколений? Взять в пример хотя бы Г. Газданова: его обычно причисляют к русскому Монпарнасу, хотя в прозе и публицистике он эту эстетику критиковал и утверждал необходимость толстовского «морального отношения» к писательской работе. Более того, в 1935 г. Газданов пытался при помощи Максима Горького уехать в СССР¹³.

Это издание Ливака наиболее полно на сегодняшний день представляет проделанный ученым путь в изучении русского зарубежья. В предисловии указано, что книга издается на французском языке именно для того, чтобы создать платформу для нового демифологизированного этапа изучения русской эмиграции во франкофонных странах. Однако Ливак не предлагает критический обзор существующей литературы об эмиграции на французском и других языках, чтобы наглядно продемонстрировать эту нехватку. Приведенные замечания не мешают, конечно же, его исследованиям оставаться чрезвычайно нужными в науке об эмиграции.

13 О том, как Газданов относился к советскому миру, см.: *Матвеева Ю.В.* Советский мир в восприятии и оценках Гайто Газданова // *Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки.* 2013. № 4. С. 251—264.

Книга специалиста по литературе XVIII в. и компаративиста А. Строева в некоторых своих аспектах может быть сближена с монографией Ливака. Строев также стремится осмыслить конкретные судьбы литературной эмиграции с точки зрения контактов с французскими и европейскими авторами. Большую роль в исследовании играют неизвестные ранее франкоязычные источники. Монография посвящена компаративистским проблемам, притом Строев сосредоточивается на литературном быте своих героев: на том, как русские авторы создавали себе литературные репутации за рубежом посредством самых разнообразных способов взаимодействия с издательствами, переводчиками, литературными институциями и читающей публикой. «Речь идет не о традиционной рецепции, а об активном жизнетворчестве, самореализации, конструировании своего облика в чужом культурном пространстве» (с. 5)¹⁴. Герои исследования — М. Волошин, Д. Мережковский, И. Бунин, Андрей Белый, Е. Замятин. Строев рассматривает не только межвоенные десятилетия, но и более ранний период франко-русских отношений, что почти для всех перечисленных писателей, конечно же, справедливо, ведь их литературные карьеры начались задолго до революций 1917 г. В целом в книге Строева нет попытки подчеркнуть исключительность 1920—1930 гг., и благодаря этому видна преемственность межкультурных связей на протяжении всей первой половины XX в. Работы, составившие книгу, за исключением статьи об Андрее Белом, частично или полностью были опубликованы в течение последних нескольких лет в российских и зарубежных изданиях.

Несомненными достоинствами книги являются обширное включение ранее не известных на русском языке источников по французской рецепции русской литературы и активное использование архивных материалов. Это целый корпус впервые переведенных текстов. Исследовательское повествование то и дело прерывается обширными переводческими вставками, позволяющими поверять комментарии и выводы Строева работой с источниками.

Подобная интенсивная работа с французскими источниками стала возможна благодаря тому, что «Национальная библиотека Франции (BnF) оцифровала огромный массив периодики XVIII — первой половины XX века, поиск кардинально упростился и ускорился» (с. 7). Многие из источников были, кроме того, распознаны. Все это вызывает необходимость пересмотреть историю рецепции русской литературы во Франции. «Превосходная библиография Леонида Ливака нуждается в дополнении», — утверждает Строев (там же). Его книга во многом и есть последовательное историко-литературное уточнение отдельных событий в зарубежных судьбах выбранных пяти писателей. Конечно же, сильно разнится при этом методология Ливака и Строева. Если первый стремится подчинить свой материал конкретной общающей теории, структурной логике описания или семиотике поведения, то Строев скорее занимается отбором и описанием массива конкретных случаев французской рецепции, нежели предлагает какие-то теоретические суждения. Хотя

14 Под редакцией Строева вышел сборник, предлагающий обзор разных литературных стратегий, направленных на завоевание французской публики: *Les intellectuels russes à la conquête de l'opinion publique française: Une histoire alternative de la littérature russe en France de Cantemir à Gorki / Sous la direction d'Alexandre Stroeve*. Paris: PSN, 2019.

в книге можно выделить главную теоретическую предпосылку, не расходящуюся с социологическим подходом к исследованию литературы: результат борьбы за литературную репутацию зависит от успешного взаимодействия с литературными агентами: издателями, редакторами, журналистами и читающей публикой. События русско-французских взаимодействий первой половины XX в. в книге не даны в хронологическом порядке, а сгруппированы вокруг конкретных авторов.

Некоторые сюжеты Строева похожи на детективные истории: отдельный историко-литературный факт запускает череду уточнений, все более отдаляющихся от первоначальной проблемы, чтобы в конце повествования снова вернуться к заявленной теме. Так происходит уже в первой главе, посвященной анализу одной заметки про М. Волошина, опубликованной 31 марта 1918 г. в газете «*Le Siècle de Paris*». В этой заметке воспроизводится рассказ Волошина в «Ротонде» об одном выступлении, состоявшемся в России, во время которого из-за ошибки в афише трех разных участников, одним из которых был он сам, приняли за одного актера-трансформатора. Заметка заканчивается указанием на то, что Волошин как-то в парижском трамвае спросил у французского писателя: «А что вы скажете, если машины взбунтуются?» (с. 11). Из комментария к этой публикации во французской прессе вырастает исследование, затрагивающее целую череду перевоплощений этой истории в воспоминаниях и художественной литературе, а также способствующее прояснению того, что из приведенного рассказа произошло в действительности, а что выдуманно автором заметки. Но также предлагается и обширный историко-литературный, философский и теософский контекст, связанный с идеей бунта машин в творчестве М. Волошина и целого ряда писателей.

Большая часть книги посвящена Мережковскому: рассказ о нем длится со второй по шестую главы. Во второй главе речь идет о раннем периоде восприятия творчества Мережковского во Франции и не в последнюю очередь о попытках русского писателя контролировать процесс восприятия своих сочинений. Эта глава позволяет составить представление о том, как кажущиеся незначительными мелочи вроде издательской аннотации могут запустить на долгое время сценарии рецепции «молодого писателя», каким был Мережковский на рубеже XIX—XX веков для французской читающей публики. В третьей главе рассказывается об интервью, взятом у Мережковского Марили Маркович во время Первой мировой войны в 1915 г. В четвертой внимание сконцентрировано уже не только на Мережковском, но и на рецепции Бунина в год вручения Нобелевской премии. Как известно, эту знаковую премию по литературе ожидали в 1920—1930 гг. сразу несколько русскоязычных писателей, и небезосновательные надежды питали в том числе Бунин и Мережковский. Конкуренция между писателями нашла отражение не только в эмигрантской публицистике и мемуаристике, но и во французской прессе. Строева интересует в том числе, как совершилось «волшебное превращение в мировую знаменитость автора [Бунина], о котором французские журналисты и читатели почти ничего не слышали» (с. 92). К главе есть приложение с текстами французских критиков, а также интервью русских писателей.

В следующей и самой обширной части монографии последовательно изложена история жизни Мережковских на юге Франции в 1940—1941 гг. Эти «материалы для биографии писателя», как гласит подзаголовок, позволяют скрупулезно по неизвестным архивным источникам и многочисленным материалам из французской прессы получить сведения о лекциях, которые Мережковский готовил в Биаррице и Бордо, узнать подробности празднования семидесятипятого юбилея писателя, проследить историю его отношений с меценаткой графиней де Греффюль и перипетии, связанные с изданием его книг и переводами этих книг на французский. Отдельная часть главы сосредоточена на известном сюжете с радиообраще-

нием Мережковского предположительно конца июня 1941 г., в котором, по воспоминаниям Ю. Терапиано, писатель прославил Гитлера и сравнил его с Жанной д'Арк. Строев сомневается в точности этого рассказа, основываясь на ряде несопадающих фактов. По его предположению, слава «хвалителя Гитлера» могла быть вызвана публикацией статьи Мережковского «Большевизм и человечество» в эмигрантской газете «Парижский вестник» за 8 января 1944 г. Эта статья сперва была посмертно издана в 1942 г. в фашистской газете «Новая Италия» на французском языке. А в «Парижском вестнике» опубликован обратный перевод этой статьи, снабженный редакционными врезками, в которых появляется прославление Гитлера. В тексте самого Мережковского этого прославления нет. Строев полагает, что именно эта врезка повлияла и на воспоминания о радиовыступлении в последующих высказываниях мемуаристов. «Писатель поддерживал войну против Советского Союза, но не прославлял Гитлера» (с. 182), — считает исследователь. Это уточнение о публикации Мережковского и обратном переводе в эмигрантском издании важно для изучения биографии писателя. Оно меняет акценты в истории о коллаборационистской деятельности Мережковских, но не отменяет самого факта этой деятельности, как и не ставит вопрос об их отношении к евреям накануне и во время Второй мировой войны. В этом смысле главу Строева можно было бы читать параллельно с последней главой из монографии Ливака про два эмигрантских одиночества — русское и еврейское — в годы немецкой оккупации. Завершает блок о Мережковском комментированная публикация французских некрологов и посмертных статей о писателе.

В последних двух главах речь идет о литературной репутации Андрея Белого 1905—1935 гг. и четырех неизвестных сценарных заявках Евгения Замятина 1934—1936 гг. Анализ рецепции Андрея Белого приводит в том числе к любопытному выводу: его писательская слава складывается не совсем благополучно в межвоенные десятилетия во Франции. «Начиная со второй половины 1920-х гг. в стране интересуются в первую очередь советскими писателями, а Андрей Белый не относится ни к ним, ни к эмигрантам» (с. 218), потому многие пишут о нем как о явлении уже сложившейся истории литературы. В главе есть обширные примеры откликов на творчество Андрея Белого, в том числе в левых французских кругах. В главе о сценарных заявках Замятина Строев стремится, с одной стороны, рассмотреть эти заявки в контексте более широкой темы «Замятин и кино», а с другой — показать, как в них контаминированы тематические и мотивные комплексы, важные для всего творчества писателя и в первую очередь наследующие роману «Мы». В приложении к завершающей главе опубликованы четыре сценарные заявки Замятина, ранее не известные исследователям и обнаруженные в архиве Университета Нантера.

Книга Строева богата новыми материалами из истории русско-французских связей XX в. Ее отличает внимательность к биографическим и историко-литературным деталям каждого из предложенных повествований: вырастает сеть побочных сюжетов, объяснимая обилием персоналий и указаниями на малоизученные события. Иногда текст превращается едва ли не в коллаж источников с минимальным комментарием автора. Какие-то обозреваемые здесь сюжеты, вероятно, могут быть восприняты в качестве подготовительного этапа для дальнейшего теоретического осмысления. Однако именно благодаря тому, что Строев предпочитает теории историю, в его книге нет интеллектуального автоматизма, требующего ценностного или методологического суждения даже там, где материалы к этому не располагают.

В обеих книгах события эмигрантской истории рассмотрены в широком контексте культурной истории Франции. Оба издания вводят в научный оборот не из-

вестные ранее архивные материалы или не привлекавшие внимания исследователей печатные публицистические публикации. В монографии Ливака именно феномен первой русской эмиграции становится главным историко-литературным сюжетом и предлогом для концептуального осмысления эмигрантского положения писателя. В монографии Строева хронологические и концептуальные рамки в большей мере размыты, акцент же сделан на анализе литературной экономики и проблеме литературной репутации русского писателя во Франции.